

какіе костюмы, нарѣчія и понятія! и какою поэзією все это окутано!

Вспомнилась мнѣ величавая Волга со своими гористыми и лѣсистыми берегами. Я плылъ по ней въ одну изъ теплыхъ лѣтнихъ ночей; безконечное небо было все усыяно звѣздами; кругомъ все безмолствовало, только внизу на пароходѣ раздавалось тихое пѣніе хора въ нѣсколько голосовъ... Это пѣніе было до того уныло, печально и вмѣстѣ съ тѣмъ стройно, задушевно и трогательно, что мнѣ поневолѣ подумалось: „и вѣрится, и плачется, и такъ легко, легко“... А степь? Тоже, что море... тѣ же разгульныя, буйныя силы стихій, только жизненнѣе.

Помнишь ли ты, другъ, какъ разъ зимой мы забрались въ глубь густого, стараго лѣса? Что за причудливыя формы приняла тамъ природа!.. Все голо, неподвижно, бѣло, точно мраморное. Всѣ вѣтки деревьевъ густо обвѣшаны ледяными кристаллами, какъ бы застывшими небесными слезами... И вдругъ яркій лучъ солнца ворвался туда... какая радость! Какъ зажглись, засверкали и задрожали эти миллиарды висячихъ кристалловъ, точно лучшіе брилліанты при яркомъ свѣтѣ! Что за богатая, волшебная природа!!

И помнишь ли еще, когда мы очутились разъ около какого-то болота, гдѣ торчали цѣлые ряды старыхъ, голыхъ пней? Свинцовыя тучи носились надъ нами; кругомъ не было живой души; все было пусто и мертво, точно въ проклятомъ мѣстѣ... Только иногда прилетали вороны, перекликаясь между собою, и опять улетали. Страшно, жутко становилось; сердце билось сильнѣе и поневолѣ повторялись слова: „проклятое мѣсто“... Гдѣ могучая кисть, которая могла бы передать все это? Мы любимъ природу? Если бы мы побольше любили и изучали ее, то меньше любили бы пейзажи; мы отстраняли бы ихъ, какъ несовершенный портретъ любимаго нами лица; мы стали бы требовательнѣе и разборчивѣе. Да любимъ ли мы вообще искусство? Понимаемъ ли его? Идетъ ли оно впередъ? Идутъ ли къ нему на встрѣчу? Да въ самомъ ли дѣлѣ искусство такъ необходимо? способно ли оно пробудить чувство добра?—Отвѣчай мнѣ, другъ.

М. Антокольскій.
